

Анна ФАЙН

Третьяковская балдарея

Разбитый автобус еле дотянул до остановки — главного входа в университет. Сегодня на воротах знакомый охранник, старый Ханан. Я отмечаю про себя, какие коричневые у него веки. Ну как же, он при исполнении, ему нельзя. Ханан впускает меня, не проверив сумки. Ему слишком хорошо знакомо ее содержание: ключи, кошелек и удостоверение личности. А во внутреннем кармане, среди дамских мелочей, маленькая пластмассовая коробочка с тремя таблетками — моя суточная доза.

Я шагаю к институту, стараясь дышать ртом. Так воняет меньше. После того, как две арабки-уборщицы попытались взорвать здание Сената, некому вывозить грязь с территории университета. Наш институт был основан американцами на американские деньги, и работают здесь в основном американцы. Они сочиняют новые учебные программы, а я перевожу их на русский язык. Начальница Джудит поднимается навстречу из-за компьютера. Над ее столом лозунг: "Мы не можем изменить действительность, только себя". "Тами не придет, — говорит Джудит, — тебе придется самой написать письмо миссис Горовиц". "А что с Тами?" — "Взорвалась в автобусе по пути на работу", — будничным голосом сообщает она.

Секретарша Тами, Томочка, маленькая, худая йеменка с острыми бедрами и впалым животом. Она так мечтала поправиться, верила, что похорошеет, заведет себе парня и выйдет замуж. Я торопливо расстегиваю сумку и достаю таблетку — первую за сегодняшний день. Сладковатое тепло разливается в груди, поднимается к голове. Тами забыта. Я сажусь к компьютеру. "Дорогая миссис Горовиц, — пишу я, — как Вам хорошо известно, мы выполнили наши обязательства, оговоренные в соглашении. Мы создали учебную программу "Прогулки по Святой Земле в трехмерном пространстве". О нет, мы не предлагаем вам бродить по нынешнему Израилю, до неузнаваемости искореженному каскадными терактами. Наши клиенты получат уникальную возможность вернуться в 1988 год. Они увидят, какой была страна до рокового дня, когда рейсовый автобус, полный пассажиров, отправился в последний путь по Иудейским горам...". Все спонсоры давно нас бросили, и только миссис Горовиц, ортодоксальная еврейка из Чикаго, все еще подкидывает деньги, да и то крайне нерегулярно.

За окном, где-то в районе студенческих общежитий, гремит взрыв. Не будь таблетки, этот звук остановил бы мне сердце. Но под релаксаном я лишь отмечаю его краем сознания. Он неясен, как пук весенней почки. Письмо готово. Скоро должен подойти директор Джереми, проверить и подписать его. "Джереми позвонил, — сообщает Джудит, — он задерживается. На дорогах сплошные пробки из-за утренних терактов". Что же, я его подожду, а пока зайду в сайт наших конкурентов. Это одна из моих служебных обязанностей — проверять, что там у них новенького.

Нажимаю на желтый квадратик в

левом нижнем углу дисплея и оказываюсь в Иудейских горах. Нет, это не Иудея, конечно. Настоящая Иудея суше и строже, а это Италия или южный Крым. Впрочем, кто его знает: я давно не бывала в той части страны, с тех пор, как арабы взорвали тоннель на объездной дороге возле Бейт-Лехема. Гремит второй взрыв. На этот раз становится темно и вырубается компьютер. "У-упс!" — кричит Джудит. Когда моя начальница под релаксаном, ее вокабуляр сжимается. Тогда ее память удерживает всего два слова: "упс" для выражения гнева и отчаяния и "уау" — для радости и восторга. Делать нечего. Пойду поем, я сегодня еще не завтракала, а скоро обед.

В дешевой народной обжорке напротив универа сидит Сашка Гитерман. Я издали вижу его большую синю-белую кипу. Когда-то она держалась на металлической заклепке, похожей на канцелярскую скрепку. Но вот и осень наступила, высохли цветы, а сашкины волосы облетели, кипа скользит по лысине и время от времени падает в тарелку. Я беру себе порцию шуармы. Гриль успел остыть, но мясо еще теплое. "Маша, иди сюда", — зовет он. Сашка — мой бывший одноклассник. Его считали вундеркиндом в детском саду, школу он окончил с золотой медалью, поехал на международную олимпиаду и был без экзаменов зачислен на биофак МГУ. Он оказался там единственным евреем. Он и сейчас один-единственный в своей лаборатории. Сашкиных коллег уволили из-за недостатка бюджетных средств, а лихие обезьяны, знаете ли, в Америку со всех ног наутек — как всегда. Сашкины опыты национального значения финансирует правительство. "Что подделываешь, Сашенька?" — спрашиваю я. "Если хочешь, расскажу, — улыбается он, — только сначала совершу небольшой экскурс в историю, ты же ничего не помнишь". "Ну давай, совершай. Все равно электричество не скоро врубят".

— До тысячи девятьсот восемьдесят восьмого года израильские гбили на полях сражений, — начал Сашка, — но мирное население почти не страдало. Так продолжалось до того рокового дня, когда рейсовый автобус, полный пассажиров, отправился в последний путь по Иудейским горам. Слева — встречный поток машин, справа — глубокая пропасть. И тогда террорист-самоубийца бросился на шофера. Автобус потерял управление, перевернулся и упал с обрыва. Это было началом первой интифады. В ход шли камни, бутылки с горючей смесью, ножи и самострелы. Во время второй интифады они разбогатели, обзавелись огнестрельным оружием и натаскали новых террористов-смертников. При третьей интифаде палестинская автономия жировала восточнее: купила минометы, ракеты "Касем", а самоубийцы встали в очередь, чтобы разлететься вдребезги на нашей территории. Ни мирные переговоры, ни военное возмездие не обуздали проклятых сук. Ведь ни одну войну против террора нам не дали закончить наши добрые самаритяне. Христианский

мир всегда ждал случая, чтобы принести нас в жертву. Евреи для них — коллективный Иисус, бредущий на Голгофу ради чужого спасения. И тогда один умный еврейчик, бывший отличник по математике, подсчитал, что если число смертников будет возрастать, как сейчас, в геометрической прогрессии, то к 2050 году все население автономии покончит с собой. Тогда — ура! — наступит вождельный мир. Надо только набраться терпения и подождать. Набраться терпения, но как? И вот на арену вышел Его Величество релаксан ултимата плюс — лучший в мире безопасный транквилизатор. Передозировка вызывает рвоту-блевету, поэтому от релаксана невозможно умереть. Ну, о побочном эффекте ты знаешь. Прекрасение век, потеря памяти, утрата страха смерти.

— Сашенька, насчет потери памяти ты что-то сочиняешь. Я вот, например, все помню.

— Нет, дорогая, не сочиняю. Я лично знаком с Гитерманом из института Вейцмана. С тем самым, разработчиком релаксана. Да вот, если не веришь, я сейчас устрой тебе небольшой экзамен. Как меня зовут?

— Александр Гитерман, — ответила я после паузы.

— Бекерман. Александр Бекерман. А Гитерман — это твой директор Джереми. Еще вопрос: как называется город, где прошло наше детство?

— Смоква, — не задумываясь, выпаливаю я, и Сашка хохочет. Он бьет себя ладонями по коленям, трясет головой. Кипа сползает с лысины и падает в тарелку с шуармой. Он вынимает ее, неторопливо счищает налипшее мясо и снова водружает на голову.

— Ну, а теперь вопрос на засыпку, — торжественно объявляет он, — сколько тебе лет?

Чего не помню, того не помню. Разве можно спрашивать такое у женщины? Думаю, подсчитываю, затем достаю из сумочки зеркальце. Морщинистое лицо с покрасневшими веками смотрит на меня.

— Самое интересное, что эти замечательные свойства — повреждение памяти и утрата страха смерти — передаются по наследству. В прежних поколениях еврейские дети зазубривали Тору и Мишну наизусть. А теперь им слабо!

— Итак, нам было велено терпеть, — продолжает он, — но как долго можно выносить такое? — Сашка махнул рукой в сторону полуразрушенного кампуса. — Я добровольно отказался от релаксана еще десять лет назад, и мое терпение давно иссякло. Единственный способ покончить с ними — бороться с автономией ее же оружием. Нам нужны смертники, много смертников. Проблема заключается в том, что ни одна еврейская мать, даже задолбанная релаксаном, не разрешит своему ребенку покончить с собой.

Он продолжает говорить, а я улетаю. Я часто так улетаю в последнее время. Вижу осколки стекла, развороченные глыбы бетона, горящую проводку и бульдозер, заглаживающий место, где стоял мой дом. Чуть поодаль — полицейская

машина, а в ней — две девушки в синей форме. "Девочки, вы не видели здесь ребенка?" Они не обращают на меня никакого внимания. Наконец одна поворачивается, смотрит непонимающими глазами кроличьих тонов. "Какой ребенок?" — "Здесь был мальчик, играл возле дома. Маленький такой, в джинсовой курточке". "Вера! — кричит солдатка проходящей мимо офицерше, — ты мальчика не видела?" — "Какого мальчика?" Объясняю и ей, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. "Кажется, его увел мужчина в красной рубашке", — тянет красноглазая крольчиха. "Какой мужчина? Куда увел?" — "Кажется, мальчик остался жив. Вроде бы, мы "скорую" ему вызывали. И тот мужчина взялся его сопровождать в больницу" — "В какую больницу?"

Ломая застежку сумки, я достаю вторую таблетку. Сладкое тепло заполняет грудь, локти сами собой приподнимаются над поверхностью стола. Кажется, я сейчас взлечу. Мучительное видение уходит. Тяжелые тягучие ириски розовых облаков плывут по небу.

— Мы будем создавать клоны, — говорит Сашка, — у них матка арабской женщины, а у нас — высокие технологии. Мои разработки позволяют за два года построить биофабрику по безматочному выращиванию солдат, лишенных памяти и страха смерти. Клонирование людей запрещено международными законами, но кому какое дело до Израиля? Все давно нас похерили. Наши клоны пойдут на автономию, и тогда ей конец, — отсвев далекого пожара зажигает стекла его очков.

В обжорку входит человек в кифие с большой сумкой в руках. Это террорист, сейчас он будет нас взрывать. Надо бы уйти, но так не хочется, так не хочется... Здесь темно, тепло, покойно. Тихо и сытно, и восточная музыка убаюкивает, укачивает... "Бежим, — шепчет Сашка, хватая меня за руку и силой выволакивает из забегаловки. Мы несемся через дорогу, точнее, это он бежит, а я тащусь, я плыву за ним, как огромное тяжелое облако. Через пять минут раздается взрыв. На втором этаже, прямо над кафе, — стоматологическая клиника. Передняя стена падает, видно, как доктор Бекерман замирает с пинцетом и ватой в руках. Копья известки падают на белый халат, на густые седые брови. Пациентка вжимается в кресло, у нее полный рот штукатурки и глаза, припорошенные белой пылью.

— Сашка, — лепечу я, когда мы добираемся до проходной, — зачем ты мне рассказывал? Ведь это государственная тайна.

— После третьей таблетки ты ее забудешь, — визгливо хохочет Сашка, — ну, прощай, кажется, вернули свет.

Я снова на рабочем месте. В нашем американском институте все сотрудники — американцы, и даже сам директор — американец. Горит свет, работают компьютеры. Значит, включился аварийный генератор электричества. Ректор, профессор Бекерман, купил его недавно на последние деньги. "У-у-упс", — стонет Джоди. Значит, Бекерман еще не

вернулся, и я могу залезть в сайты наших конкурентов. А там, за моей спиной, гибнут люди. Доктор Бекерман и его пациентка, наверное, упали вместе с креслом. Я достаю еще одну таблетку. Третья тяжело пошла. Кислятиной свело рот, защищало под языком. Надо бы запить, но кампус вторую неделю без воды.

Сайт конкурентов — это я с удовольствием. Только сначала запишу все, что рассказал мне Бекерман. Про его друга Бекермана из института Бекермана. Про детей, не знающих Тору с Мишной. Почему смешной? Про этих смешных детей. Про циклонов, идущих на Лепестину. А лепестинцы падают, падают и падают. Когда облетит последний, ты умрешь. Нет, я не умру, я нарисую его на стекле, на дисплее нарисую и не умру никогда. А вот и сайт этих гаденейшей. Они конкурируют с нами уже две тысячи лет, но мы все еще держимся. Мой любимый сайт "Приход Мессии в трехмерном пространстве". Нажимаю на желтый кавардстик слева внизу, и вот я в Иудее. Нет, это не Иудея, настоящая Иудея суше и старше. Но здесь тоже неплохо. И знакомо до тошноты. Московницы тянут к журчью ветки, полные спелых фиговин. Я уже видела эту картину в гиларовской третьяке. Нет, в третьяковской балдарее. Опять не так. Мой друг Релаксандр прав — я действительно все забываю после третьей таблетки. В гуляре! В третьюковской гуляре.

Все уже в сборе. Молоденький Бар-Раббан, совсем еще отрок, моет в речении журчья белые ноги. Раб Бар-Рабас сидит на земле, обратив к небу слезящиеся глаза в набрякших красных веках. Страшна его улыбка, обнажившая гнилое мясо кровотокащих десен. Старый Иоанн Блюститель тоже здесь, в козьей шкуре, с посохом и пустолетом. Какие коричневые веки! О, если бы все так же ддели, как он! Иоанн указывает куда-то в сторону высокой горы, и вдруг я тоже замечаю: он сходит оттуда, приближается к нам из-за выросли плащаницы. На нем красный хитон, синяя клещевина и кожаные дансалии. Полы клещевины плещутся на ветру. "Моиссея, Моиссея пришел!" — кричу я. Барабан и Барабас вторят мне: "Моиссея пришел!". Он подходит ближе. Кого он там прячет за спиной? О, да это же мальчик, маленький мальчик в джинсовой курточке! Я распахиваю толпу и пробираюсь к ним.

— Это не он, — говорит человек в красном хитоне, — но мы склонили его. Этот не знает страха смерти и ничего не помнит.

Мальчик смотрит на меня, не моргая. В это время на горе, там, откуда только что сошел Моиссея, показывается рейсовый автобус, полный пассажиров.

— Мальчик готов, — говорит Моиссея. — Если ты отпустишь его, автобус не упадет. Тогда не будет никакой интифады. Первой интифады не будет, второй интифады не будет, и третьяковской интифады не будет тоже. Решайся, Мария.

Я сажусь на корточки, зарываю носом в солнечные травяные детские волосы и прижимаю ребенка к себе.

Всемирный клуб одесситов выпустил в 2004 году фотоальбом "Одесса в новых памятниках, мемориальных досках и зданиях"

Тексты — русский и английский — к альбому написал литератор и краевед Олег Губарь. Фотографии Ивана Череватенко. Альбом продается в книжных магазинах города, в Литературном музее и во Всемирном клубе одесситов.

В Клубе одесситов также можно приобрести электронную версию альбома на CD на 4-х языках — русском, немецком, английском и французском.

Коллективизация

Это слово я слышал все чаще.

С ним было связано появление на улице небольших групп людей, по десять-пятнадцать человек, которых вели по мостовой военные с наганами, вынутыми из кобур.

Мужчины в вытертых бараньих папахах, черных суконных кепках, тулупы и пальто подпоясаны, чтобы сохранить тепло. Женщины закутаны в платки. С торбами, мешками, фанерными баулами.

Вокруг слышалось: "Кулаки!", "Раскулаченных ведут".

Мы, дети, жадно и со страхом вглядывались в их черные от мороза лица.

Военные в длинных шинелях, буденовках с нашитыми красными звездами. Их подкованные сапоги звенели на облитых льдом крутых булыжниках. Вели со стороны Нового базара на Преображенскую улицу, в тюрьму.

Вспоминается и другая сцена: издохшая лошадь с длинной мордой на сизой обледенелой мостовой. Ноги деревянно вытянуты. И большой вздутый живот, похожий на бурую мешковину. Извозчик освобождает упряжь.

И еще одна. На Соборной площади у углового дома лежит вверх лицом человек. Ветер метет колючую снежную крупу, человек уже почти засыпан снегом. Видны только серое лицо и голые ступни.

Никто не останавливается. Я тоже прохожу мимо. Мне нужно как раз в этот дом играть с мальчиком.

Собор

С моего балкона был виден кафедральный собор на Соборной площади. Он напоминал гигантские желтые кубы. Они были увенчаны главной колокольней и большими и малыми куполами.

Когда звонили колокола, с собора взмывали птицы и с криком широко кружили в небе.

Собор имел множество дверей на все стороны булыжной площади с подъездами, крыльцами, ступенями без навесов и просто ровень с землей. Эти двери были кованы железом со множеством заклепок с крупными выпуклыми головками и выкрашены в зеленый цвет. Крыши тоже были зеленые. А двери, видно было, давно уже не открывались. И у них экскременты и потоки мочи.

Но главный вход, высокий, как ущелье, был открыт. Внутри царил сумрак. Этот сумрак был как бы забрызган множеством огней лампад и свечей, его прорезали падающие из окон потоки света.

Но собор был так велик, что дневной свет не мог рассеять сумрака, он как бы стоял в нем. Алтарь в конце собора виден был как в тумане.

У массивных колонн могиленные плиты в ограде. На одной из плит стояло: "Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов". Рядом "Княгиня Лидия". От гулких каменных полов пахло холодом даже летом. Этот запах смешивался с запахом воска и ладана. Кучки и одинокие фигуры людей терялись в просторе собора.

Шорох шагов, треск свечей, шелест голосов. Я ходил сюда, притягиваемый любопытством и страхом. Я всегда чувствовал свою как бы непринадлежность к этому месту.

На Пасху вокруг собора шел крестный ход. Прихожане стояли с пасхами, крашенками. Подъезжали извозчики с нарядными седоками. И в открытом экипаже привозили архиерея.

Но совсем не видно было молодых лиц. И мало мужчин. Платки, косынки, шляпки. Солнечно, ярко. И грустно.

Но дни собора уже подошли к концу. Сначала сбросили главный колокол. Он упал на бок, раскрошив булыжники. И еще долго лежал у собора с отбитым краем, оторванным необычно толстым развал чугуна.

Можно было пощупать всегда холодный колокол и даже вскарабкаться к его вершине с массивной металлической петлей. Для этого надо было сбросить сандалии, чтобы не скользить по крутому боку колокола.

Когда колокол увезли, на площади осталась обширная вмятина. Летом после дождя сюда натекло маленькое озеро, можно было пускать кораблики. А зимой кататься на коньках по гладкому льду.

А собор, закрытый и глухой, все еще стоял. Потом его взорвали. Толпа терпеливо, много часов, ждала этого зрелища. Соборную площадь окружала цепочка синих милиционеров и никого к собору не пускала.

Вдруг задрожала земля, и раздался глухой взрыв. Лица коснулись упругий душный воздух. Он пахнул серой. Я увидел, как собор окутался поднимающейся со всех сторон пылью, и в это облако стали погружаться стены и колокольня, теряя на ходу свои очертания. Открылась непривычно пустая площадь, а за нею заслобонная до сих пор собором часть Преображенской улицы с трамваем.

"Стучите вилками по тарелкам"

Отец мачехи Георгий Георгиевич Калягин — мастер на заводе. Он там много лет, ветеран. Награжден даже грамотой правительства.

Об этом писали в газете. Торжество вручения грамоты передавали по радио. Устроили его дома у юбиляра, так решило начальство. Заводская столовая получила указание накормить людей.

Вот на этом столе, показала Клавдия Осиповна, поставили тарелки, стаканы, бутылки ситро. И миску картофельного салата, каждому пригласил жменьку на тарелку.

Было это во время коллективизации. Первое поздравление от исполкома.

Корреспондент шепчет: "Аплодируйте!". А потом: "Ешьте". После второго поздравления есть уже нечего, тарелки пустые. Тогда корреспондент опять шепчет: "Стучите вилками по тарелкам. Как бутылку вы едите. Смелее! Еще".

И так после каждого поздравления. "А душни слушали радио и верили!" — негодует Клавдия Осиповна.

Георгий Георгиевич сидит с нами за столом и курит папиросу после обеда. По лицу его не скажешь, слушает ли он Клавдию Осиповну.

Марк ГИРШИН

ШОРОХ ВРЕМЕНИ

Оно у него горбоносое, с усами, темное от заводской копоти.

От мачехи я знаю, что ко времени революции у Калягиных уже было собрано десять тысяч, купить дом, в котором они снимали эту квартиру. Деньги хранили дома. Но золотые десятки, когда их пересчитывали, бывало, падали и закатывались в щели между половицами, за плинтусы, не найти. И Клавдия Осиповна тяжелый мешочек отнесла в банк обменять на бумажные.

Кассир странно на нее посмотрел: "Мадам!.."

Послушно отсчитал сотенные екатеринки, и Клавдия Осиповна, отвернувшись, спрятала их в бюстгальтер. Очень удобно.

Скоро после этого произошел большевистский переворот в Петрограде.

Возможно, что, наблюдая, как спиралька дыма от папиросы подымается к люстре с давно уже не зажигаемыми огарками свечей, старший Калягин вспоминал этот случай.

В городском музее есть его фотография. Во время гражданской войны Калягин с бригадой клепальщиков обшил паровоз и несколько платформ стальными листами. Туда поставили пушки и пулеметы, и получился бронепоезд "Красный воин".

Но когда денкиницы выбили красных из Одессы, они под стражей привели Калягина на завод и приказали построить для них такой же бронепоезд. Назвали его "За Русь святую".

Об этом мне рассказала под большим секретом мачеха.

Портрет в подъезде

Однажды утром по дороге в школу я увидел в подъезде, где управдом вешал объявления, нарядный глянцевый плакат с фотографией человека с ромбами. На плакате было написано: "Голосуйте за кандидата нерушимого блока коммунистов и беспартийных сталинского наркома внутренних дел УССР И.М. Леплевского!".

К моему возвращению из школы этот плакат исчез.

А поднявшись домой, я услышал по нашей радиоточке о разоблачении врага народа Леплевского. Все это в течение нескольких часов.

Но история взлета и падения наркома имела продолжение.

Конституция

7-А класса

Во время урока в класс вошел розовощекий кругленький человек и объявил, что он новый директор школы и зовут его Аба Ильич. Так мы узнали, что старого директора сменили. Аба Ильич велел положить на парты тетрадки. На обложках школьных тетрадей обычно печатались таблица умножения, меры веса и длины и портрет какого-нибудь вождя, чаще всего Постышева. Директор сказал, что портрет Постышева и его имя нужно густо замазать чернилами.

С тех пор директор не раз обходил классы, пока портреты всех вождей в тетрадках не оказались замазанными. Он сам провернул тетради, поднося их близко к глупым голубым глазам, и часто оставался недово-

лен: "А волосы почему оставил? Замах", или: "Все видно через бледные чернила. Достань у кого-нибудь хорошие".

Это вымарывание портретов совпало с торжествами по поводу выборов на основе новой самой демократичной в мире конституции. О ней целыми днями говорили по недавно установленной у нас дома радиоточке, тогда новинке. Как-то я услышал передачу выступления Сталина на торжественном собрании. Меня поразила его запинаясь речь, неправильные ударения и еще больше заключение: "За здоровье Ленина!". Ведь Ленин умер.

Ажиотаж с конституцией заразил и нас, школьников. Кто-то предложил составить конституцию класса. Так появилась тетрадка с надписью: "Конституция 7-А класса". Кажется, дальше этой надписи дело не пошло. Но каким-то образом о тетрадке узнал Аба Ильич. И вот одного за другим учеников стали вызывать к директору в кабинет. Когда пришел мой черед, Аба Ильич спросил, кто предложил иметь конституцию класса и писал заголовок. После этого директор укоризненно поглядел на меня поверх стола с телефоном: "Разве ты не знаешь, что мы в нашей великой стране недавно приняли сталинскую конституцию?". И разведя в стороны пухлые руки, проникновенно спросил: "Так зачем же нам еще одна?".

Аба Ильич был добродушный провинциал с толстыми губами. Поэтому мы его звали "губошлеп". Он поселился в школе. Больше ему, переведенному из района заменить нашего исчезнувшего директора, жить в Одессе было негде. Мы узнали об этом потому, что вдруг глухие окна школьной кладовки засияли промытыми стеклами, и за ними появились занавески.

Расспросы же о злополучной тетрадке с конституцией тянулись долго и, наверное, стоили нашим родителям немало волнений.

Той же зимой дворник дал мне повестку для отца. Это был вызов в НКВД. Возможно, вызов был связан с той же тетрадкой. А может быть, с его родителями и братьями, оставшимися после гражданской войны в Латвии, под Двинском, деревня Криславка, местом его рождения. Но отца не арестовали.

Появился американский фильм о войне штатов за независимость от английского короля. Мне не надоело еще и еще раз смотреть на абордаж, пушечные разрывы и наполненные атлантическим ветром паруса славного фрегата "Конституция", дерзко идущего на сближение с английской эскадрой.

Я успевал на детский сеанс после школы, если в тот день было не больше пяти уроков. Билет стоил 20 копеек. Кино помещалось на Дерибасовской, надо было только пробежать Соборную площадь. Иногда ко мне присоединялся наш новый ученик, черненький мальчик из Узбекистана. Помню его взволнованную скороговорку: "Ахунбабаев-Файзула Хаджаев-Икрамов-Цейхер", имена исчезнувших местных вождей. Очень, видно, его отец тоже пострадал, мальчика спешно отправили к бабушке в Одессу.

Дома радио бесконечно передавало песни о Сталине. Чаще других, как "...о Сталине нашем, родном и любимом, счастливые песни слагает народ". Пели и украинскую песню о соколе Сталине: "Одын сокол — Ленин, другой сокол — Сталин", и как этот "другой сокол" куда-то летит "соколыну выручаты".

Песни прерывались, чтобы передать новости о разоблаченных "врагах народа". В один прекрасный день врагами киевская радиостанция им. Коссиора назвала одесских вождей.

Я мог в этом убедиться, когда моя тетка повела меня на анализ в лабораторию на Гаванной улице. Я узнал этот трехэтажный дом. В нем еще недавно жил первый из местных вождей. У двери в парадную тогда стоял милиционер. Металлические ворота открывались, чтобы выпустить на улицу вымытый черный "Линкольн". Я видел это, когда наш класс вели в детскую зубоветеринарную клинику у Матросского спуска под Сабанеевым мостом.

Мама в прошлом приносила домой слухи медицинского мира. Например, что гостям в доме вождя у входа в детскую предлагали надеть врачебные маски, чтобы предохранить здоровье детей.

Потом в этом доме открыли музей. Там был макет шахты в царские времена, с изможденным шахтером, волокущим на шлее наполненные углем сани. Показывали и железную клетку, в которой содержали когда-то Котовского, приговоренного к смертной казни. То, что музей разместили в доме

арестованного, конечно, случайность. Но и судьба человека подвержена ей же. Котовскому, например, суждено было избежать царской казни, но погибнуть от пули ревнивого адъютанта.

После одесских вождей подошел черед самой киевской радиостанции. Она потеряла имя Коссиора. Все знали, что это значит. Коссиор тоже оказался "врагом народа".

Кроме радио в доме была также "Правда" отца, которой я уже интересовался. В ту зиму газета была заполнена материалами второго, "Пятаковского" показательного процесса. Совсем недавно прошел первый, "Зиновьева-Каменева".

Для того чтобы объяснить мое отношение к Сталину, надо сказать, что у нас в нише за занавеской стояло стопкой на полу первое собрание сочинений Ленина. Оно вышло до прихода Сталина к власти. В этих томах в переплете из красной ткани с черным выпуклым профилем имелся именной словарь с биографиями. Перечень страниц, где Ленин упоминал Сталина, часто умещался в одной строчке. Зато многим "врагам народа" не хватало и полустраницы. Биографии их были написаны в апологетическом тоне.

Поскольку фундаментом сталинских обвинений был антиленинизм этих людей, неправда становилась очевидной даже школьнику, овладевшему арифметикой.

Там же в нише хранился и тяжелый том в коже с выбитым посвящением: "Ветерану 51-й Перекопской дивизии", моему отцу. Я рассматривал многочисленные фотографии этого юбилейного издания во время частых простуд, когда меня укладывали в постель.

Книга открывалась портретом комдива Василия Блюхера на стуле, сабля между колен. Бритая голова, острые глаза. На груди красный бант с орденом. Под фотографией Троцкого надпись такая: "Предреввоенсовета Республики тов. Троцкий, стоя на броневике, обращается к бойцам 51-й Перекопской дивизии, призывая их проявить такое же героизм в работе, какое они проявили в боях".

Террор между тем пришел к нам во двор. Арестовали отца хорошей избалованной девочкой Ирочки. Я когда-то приходил к ней играть. Но теперь, повзрослевшую, ее можно было увидеть только с подругами.

Я часто встречал его по утрам, идя в школу. В синем кителе, морской фуражке с крабом, глаз прищурен от дыма папиросы во рту, он выходил на работу в порт. Или в майке сидел вечером на балконе и до глубокой ночи слушал свой радиоприемник, в то время редкость. Наверное, заграничный, советских еще не было. Еще недавно он делал доклад во дворе о "поголовно-обязательном" участии жильцов нашего дома в выборах в Верховный Совет. Он был еще совсем молодой человек, как мой папа. И вот его, как говорили, ночью увез "черный ворон". Я представлял себе этот автомобиль похожим на карету скорой помощи, но густого черного цвета.

Арестовали нашего соседа по лестничной клетке, маленького человека с лицом в красных прожилках, прокуренный голос. Он жил этажом ниже. Ходили слухи, что во время праздника он вынес на балкон портрет Троцкого и кричал вниз проходящим демонстрантам: "Да здравствует вождь мирового пролетариата!".

Как я знал? Отец никогда со мной о таких вещах не говорил. Мамы уже не было. Я думаю, из воздуха. Буквально. Одно слово услышано здесь, другое там. Это был воздух террора.

Ночной гость

Однажды ночью меня разбудил чужой мужской голос из папиной комнаты. И я услышал: "Завязали глаза, посадили в машину. Привезли куда-то, подымается в лифте, идем, слышно — открывают дверь в комнату. Сняли повязку с глаз. Комната пустая, без мебели. В стене окошко. Как в столовой для выдачи блюд. Говорят, подойдите и просуньте голову, вижу такую же пустую комнату. Вдруг туда входит Сталин: "Ну, что скажешь?". А я не могу ни слова. Слезы бегут, горло сдавило. Еле выдавил: "Товарищ Сталин, я не виноват". Опять повязку на глаза, привезли обратно в тюрьму. Написал письмо Сталину на десяти страницах. Через три месяца, как один день, выпустили. Вернули партбилет. В наркомате получил назначение — Петропавловский-на-Камчатке консервный комбинат. Директор. До конца пятилетки должны вырасти вдвое. Сделал сюда крюк повидать стариков — и на работу. Первого приступить".

Когда я утром встал в школу, ни отца, ни гостя уже не было. На столе едко пахнущая бутылка из-под водки, остатки еды на газете.

Это был Паданицин, его фотографию я тоже видел в юбилейном издании — невысокий подросток с револьвером и саблей, заметны следы оспы. И можно лишь гадать, не из-за этой ли оспы Сталин, и сам покоявшийся ею, помиловал бывшего комроты.